

один из пионеров большевистского движения в Нижнем, впоследствии первый председатель В.Ц.И.К.

И откуда только брались силы у этого «щупленького, в чем душа держится», человека, чтобы переносить все эти страдания и не только не сломиться, но даже *не надломиться* под их тяжестью в жестокой борьбе за освобождение пролетариата, которое казалось тогда таким далеким, таким недостижимым в ближайшее время.

А таких революционеров, сильных своим пролетарским классовым сознанием, стойких несокрушимостью своей воли, было не мало на всем протяжении великой Российской Революции.

Уже в силу своей революционности, большевики всегда находились в исключительно трудных и тяжелых условиях. Каждый, вступавший в ряды этой партии, обрекал себя на борьбу не только с самодержавием и не только за достижение ближайшего «переходного этапа» в движении к социализму, но и за скорейшее осуществление самого социализма установлением диктатуры пролетариата над буржуазией. И не только в теории, как это, к сожалению, выявилось исторически у Г. В. Плеханова. Действительность показала полную возможность диктатуры пролетариата, но лишь при одолении и царизма, и буржуазии, и всех социалсоглашательских предательских партий, отравлявших ядом своего оппортунизма все рабочее революционное движение.

Многие и из нас, сверху донизу, бывало, проявляли некоторые сомнения и колебания, но такие большевики, как Свердлов, не знали двух путей, никогда не стояли на распутье колебаний и нерешительности. И если бы в нашей социальной революции не было таких могучих пловцов «против течения», то мы все еще были бы где-нибудь там, внизу, вместе со всякого рода «сплавом», в роде учредилки и социалбуржуазного «демократического правительства», а не в авангарде революционного пролетариата всего мира в лице рабоче-крестьянской власти Советов и III Коммунистического Интернационала.

Брошюра тов. Иванова заключает в себе не только достоинства—ясность и,

местами, даже художественность изложения, вытекающего из глубокого проникновения автора идеями коммунизма и любви к своему старому товарищу и учителю, но и некоторые недостатки. С одной стороны, брошюра недостаточно обоснована документальными данными историко-биографического характера, а с другой—партийно-революционная и в особенности громадная советская работа Якова Михайловича далеко не выявлена и еще менее органически и исторически связана со всем ходом революционного движения пролетариата, как первого, так и последнего, самого важного периода. Это пока еще не биография, а лишь биографический очерк (основанный на личных воспоминаниях автора), дающий легкий, но живой абрис исторической фигуры Свердлова и канву для написания биографии революционного вождя и первостроителя Российской Советской Республики, самоотверженного борца за ее сохранение и утверждение.

Она является все-таки прекрасной агитационной брошюрой для широких масс и довольно четким первичным наброском той биографии, которая когда-нибудь будет составлена в коллективном сотрудничестве во всей ее исторической полноте. Как набросок, брошюра т. Иванова, несомненно, представляет большую ценность, особенно в связи с его личными воспоминаниями, которые послужат поводом к появлению еще многих других воспоминаний, рисующих во весь рост фигуру Свердлова.

Н. Элинченко.

КАТОРГА И ССЫЛКА. Издание Об-ва бывших политических каторжан и сс.-поселенцев. Москва, 1921 г. Сборник № 1, стр. 101; № 2-й, стр. 99.

Возникнув первоначально по инициативе частной группы бывших каторжан и поселенцев, начиная со 2-го номера, сборники «Каторга и ссылка» становятся изданием возникшего весной 1921 г. Об-ва полит. каторжан и сс.-поселенцев.

Содержание вышедших сборников далеко не однородно по своей литературной и историко-политической ценности и носит несколько случайный характер.

Воспоминания из каторги и ссылки, изредка кое-какие документы, стихи. Тем не менее оба сборника читаются не без интереса, а некоторые статьи, как статья *П. Климущкина* об амнистии в Александровском центре в 1917 г., *Билибина* — об Орловском центре, *В. Плескова* «Памятные дни» (все из 1-го сборника), а также *Коткина* «16 дней» (голодовки) из № 2-го — читаются даже с волнующим интересом, несмотря на то, что наши нервы под влиянием гражданской войны притупились в достаточной степени.

Особый, выдающийся интерес по своему бытовому и психологическому значению представляет очерк Г. Сандомирского «На последней ступени». Здесь, если не ошибаюсь, впервые в нашей обширной тюремной литературе мы заглядываем в мир тюремных «падших»: в камеры «укрывающихся», или, на арестантском языке, «лягавых», т.-е. предателей и доносчиков, совершавших свои черные деяния «на воле» или уже в самой тюрьме, и из боязни мести укрывающихся под покровительством начальства в особые камеры. Здесь мы, действительно, находимся «на последней ступени» человеческого падения...

Можно пожелать редакции сборников в дальнейших выпусках более строго подбирать материал, а также расширить программу включением в нее всей вообще жизни политических тюрем и ссылки. От этого сборники станут живее и разнообразнее.

Б. Горев.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ИМПЕРАТОРСКОЙ ВЛАСТИ. По неизданным документам составил Александр Блок. — Изд. „Алконост“. Петербург, 1921. Стр. 168.

Книжка А. Блока едва ли рассчитана на читателя серьезного и критически настроенного. Это — журнальная статья, написанная для «Былого» наспех, материал подобран без достаточной полноты: многие части изложения требуют дополнений, — и применять к последнему серьезную критическую мерку, конечно, нельзя. Книжку приходится рассматривать, как своего рода занятый материал

для чтения о моменте, история которого еще не изучена достаточно полно и не поддается простому описанию без анализа и суровой критики. Определенного плана нет, но интересные подробности есть. Имеются некоторые детали для характеристик, но характеристики лиц или целого эпизода нет. Вся книжка разделяется на четыре раздела. *Первый* — под заголовком «Состояние власти» (стр. 7—22), в котором автор, останавливаясь на группе лиц с А. Д. Протопоповым во главе, очень преувеличивает роль последнего. Во *втором* разделе — «Настроение общества и события накануне переворота» (стр. 23—50) — значительную цену и большой интерес представляют выдержки из докладов с.-петербургского охранного отделения, и их надо было, нисколько не стесняясь, привести целиком. Кто вообще знаком с докладами московского и петербургского охранных отделений за время 1914—1916 годов, тот ясно может представить себе всю цену этого первоисточника, правда, требующего жестокого критического анализа, но в значительной степени ничем незаменимого. Наиболее крупный по своим размерам раздел *третий* — «Переворот» (стр. 50—113), начинающийся 22-м февраля и отличающийся наибольшим обилием выдержек из документов, к сожалению, не поддающихся по некоторым признакам (напр., стр. 57) констатированию в абсолютной точности их передачи. *Четвертый* раздел (стр. 114—166) составляют приложения, вне всякого сомнения, очень любопытные, но до известной степени обесцененные тем, что автор лишил их определенности, не сообщив при каждом отдельном документе его местонахождение. Будь даны на этот счет точные сведения и будь расширены некоторые выдержки, книжка в значительной степени выиграла бы, сделавшись, можно сказать, незаменимым источником. Заканчивается книжка как-то странно, неожиданно... как будто выпущена в свет без надлежащего окончания... Сказав, что бывший император «был заключен в Царскосельском Александровском дворце», автор после заключительной точки помещает адресованный на имя Николая II документ, который не датирован и неизвестно